

Реальный исторический локус Ташкента определяет повествовательный дискурс «города-текста» в повести А. Солженицына «Раковый корпус», фиксируется на уровне историко-географических реалем, которые метафорически маркируют биографическое пространство (болезнь рак), экзистенциальное пространство Писателя (в движении от отчаяния к спасению), социально-политическую атмосферу эпохи «культы личности».

Список литературы:

1. Заманская В. В. Экзистенциальный тип художественного сознания в XX веке // Наука о литературе в XX веке. (История, методология, литературный процесс): Сб.ст.РАН. ИНИ-ОН. – М., 2001.
2. Радзишевский Владимир: комментарии к повести «Раковый корпус», 2012 – [Электронный ресурс] URL http://www.bibliotechka.ucoz.com/index/rakovyj_korpus/0-6030 (Дата обращения: 15.10. 2018).
3. Сараскина Л. И. Александр Солженицын [Электронный ресурс]: URL <http://www.ushebana5.ru/cont/2647490-p56.html> (Дата обращения: 15.10. 2018).
4. Солженицын А. И. Раковый корпус. - [Электронный ресурс]: URL <http://online-knigi.com> (Дата обращения: 06.11. 2018).
5. Ташкентский след в русской культуре. [Электронный ресурс]: URL <http://www.fergananews.com/articles/6600>(Дата обращения: 15.11. 2018).
6. Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. – М.: Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.

Шаламова-Красевская Л. Н.
(Брест, Беларусь)

ОТ СОЛЖЕНИЦЫНА К СЕБЕ

Ключевые слова: Солженицын; сибирский край; лагерь; я; окружающий мир; творчество.

Аннотация: в статье показан авторский взгляд на творчество писателя и его оценку в современном социуме, а также его влияние на творческую судьбу поэта и окружающий мир.

«Место Солженицына определяется не его личной строчкой в «табели о рангах» русской литературы, а его непреходящим присутствием в русской жизни... Имя Солженицына-литератора, возможно, будет выцветать с течением времени, но имя политического громовержца не поблекнет в обозримом будущем.

Александр Исаевич Солженицын был не только зеком, писателем и зорким исследователем советской жизни, начиная с ее тюрем и лагерей. Солженицын был Явлением, чрезвычайно редко встречающимся в нашей жизни – может, раз в век. Явление немислимо подвергнуть литературной критике, поскольку литература лишь одна из его составных частей, которая не существует в отрыве от остальных [10].

Конечно, Солженицын, как и всякая незаурядная личность, неоднозначен. Разноречивые оценки вызывают его взгляды и суждения, которые он выражал и в своих произведениях, и озвучивал с трибуны. О нем самом можно долго спо-

ритель, но факт историко-документальной ценности наследия русского писателя остается бесспорным.

Лично мне откровения автора книги «Архипелаг ГУЛАГ» помогли разобраться в себе, своем творчестве, своих взглядах на окружающий мир. Поэты-друзья удивляются, откуда и почему в моих стихах, часто написанных не по-женски, рождаются и такие темы?

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР

Приговорила к сроку: ночь раздумий...
Но утро вечера мудрей –
Наутро срок дарю длинней:
Три месяца –
Ночей так много в сумме!
Нет! Нет! Приговорю тебя
На вечный срок свободы от себя! [6, с. 55].

Нашумевшая книга Александра Исаевича Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» попала в мои руки в 2001 году. Бегло прочитав, сначала только 1-й том, а затем и всю книгу, я стала больше интересоваться теми уникальными, родными местами, где прошло моё детство, где складывался мой характер и судьба. Где всю свою молодость ходила я «дорогами страданий».

Выяснилось, что во многих городах, в которых мне довелось бывать и жить, учиться и рожать своих детей – находились лагеря, дислоцировались колонии и отделения лагерей ГУЛАГа. Это Туим, Абакан, Усть-Абакан, Черногорск, Ачинск, Красноярск, Енисейск, Игарка, Канск, Норильск, Дудинка, Сон, Сорск и многие другие населенные пункты.

«Перечислять эти места, местечки и посёлки – почти то же, что повторять географию Архипелага. Ни одна лагерная зона не может существовать сама по себе – близ неё должен быть посёлок вольных. Иногда этот посёлок при каком-нибудь временном лесоповальном лагпункте простоит несколько лет и вместе с лагерем исчезнет. Иногда он вкоренится, получит имя, поселковый совет, подъездную дорогу и останется навсегда. А иногда из этих посёлков вырастают знаменитые города, такие как Магадан, Темир-Тау, Балхаш, Джезказган, Ангрэн, Тайшет, Братск...» [10, с. 521].

Но обо всем по порядку. Моя Родина – Сибирь.

«Неприветливо-юдольный.
Потаён, таёжно-глух.
Перезвоном колокольным
Неизбалованный слух.

Край безудержно-безбрежный...
Там в нехоженой дали...»
..... [6, с. 38].

Переждав, холодное лето пятьдесят третьего, я родилась в сумерках сталинской эпохи при свете керосиновой лампы, в деревенской избе возле теплой русской печки. Мама рассказывала, что рано утром я криком возвестила о своем появлении на свет. А потом ещё семь месяцев кричала и днём, и ночью. Говорят, так судьбу выпрашивают у Бога.

Но меня не окрестили ни на девятый день, ни позже. Да и негде было крестить – церкви закрыты, разрушены, священники в лагерях...

«Крещёная
серпом и молотом,
Осенним холодом на ветру –
Изведала:
молчанье – золото.
Разбогатею, когда умру!...»
..... [6, с. 23].

(Из жизнеописания)

О деревенской жизни, что я знаю?
Не приходилось ни пахать, ни сеять.
И где теперь сторонushка родная,
Которая, как мать, могла лелеять?

Та сторона у Красного Турана –
Моя, до самой маленькой травинки.
Там, возле русской печки утром рано
Я родилась при свете «керосинки».

Там мама на руках меня качала.
Но мир так мал от печки до порога!
И я кричала! День и ночь кричала.
Судьбу просила, говорят, у Бога.

С молитвами не сразу подгадали,
Не окрестили в сумерках эпохи.
А «Вечера на хуторе...» читали...
Я верила преданьям о Солохе.

И маминым рассказам при лучине
О странных происшествиях в деревне.
О страшном привидении-мужчине
История такой казалась древней...

А папа из тайги всегда с подарком
От зайчика – дочуркам и сынишке.
Топили печь, чтоб в доме было жарко
И вслух читали каждый вечер книжки.

В глухом краю, над Бирею-речушкой,
Мне было всё равно, где юг, где север.
Сверкая белобрысою макушкой,
Рвала в букетик васильки да клевер.

Из всех богатств – огромная перина –
Воспоминаясь теплым через детство.
Там бабушки: Матрёна и Марина
Мне завещали редкий дар в наследство.

А мама с папой все искали счастья.
С собой узлы с пожитками и дети.
В стране тревожно. Перемена власти.
Без Сталина учились жить на свете.

А жили, получается, не плохо,
Наперекор природным катаклизмам.
Мы ели хлеб невкусный из гороха
И верили в победу коммунизма.

Истории неясные страницы
Очистились слегка «метлой поганой».
Мне повезло счастливою родиться
Во времена кровавых интриганов!

Сакральных мест таинственная сила
Истоками любви земной питала...
Все сбудется, о чём и не просила,
Всё, что сама судьба предназначала [авторские стихи].

**«Никто из людей ничего не знает наперёд.
И самая большая беда может постичь человека в наилучшем месте, и
самое большое счастье разыщет его – в наидурном».**

Александр Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ» [т. 3, с. 411]

В 1954 году наша семья переехала жить в Хакасию, в таёжный поселок Туим. Именно здесь, в Туиме, моим душевным спокойствием занялась соседка бабка Черданчиха, которая три раза на вечернюю зорьку читала надо мной заговоры и молитвы. Помогло. Кричать я перестала. Стала петь. В конце первого класса моих родителей вызвали в школу и ругали за то, что на уроках чтения я не читаю тексты, а пою.

Помню, как однажды перед новогодними каникулами в декабре 1960 года я вошла в свой класс и сказала детям:

– Послушайте! Послушайте все меня внимательно! Я сочинила песенку и сейчас вам её спою! И запела:

Старый год, старый год,
До свидания!
Он от нас навсегда уйдет.
Старый год, старый год,
Пожелания
Нам самые приветливые шлет.

П-в: Снежок идет
Дорожку осыпает.
Снежок идет
Старый год провожает...
.....

Это было моё первое «публичное» выступление, начало моего творчества. С этих пор стихи писать не переставала. Здесь, в Туиме, прошло всё моё детство – вольное, таёжное. Места для игр – склоны гор, заросшие кустарниками пещеры, тайга. Здесь прошли школьные годы, здесь усваивались и первые уроки суровой сибирской жизни. Вот – тайга. Ты уходишь в неё, но ты должен вернуться! И, желательно, засветло. Родители особо не контролировали, не спрашивали, где мы с братом проводим время. Я могла уходить на целый день в лес одна, намечая цель: пройти от одной горы до другой. Там, где есть горы, – не заблудишься. Забираясь на их вершины, любовалась привычными пейзажами, которые простирались на десятки километров во все стороны. Очень любила качаться на гибких стволах молодых берез, сочиняя песенки и стихи. С собой никогда не брала еду – только фляжку с водой и ножичек, чтобы легче было выкапывать съедобные корни саранки. На всю жизнь запомнила их садкий и крахмальный вкус. Любимыми лакомствами также были: кашлица цветов Марьяина корня, черемша, лесные ягоды, нектар некоторых растений и сера, приготовленная из смолы лиственницы. В летнюю пору окружающая тайга становилась настоящей кормилицей. А зимой...

Мне тогда никто не сказал:
«Не ходи далеко в тайгу,
не смотри Синильге в глаза –
пропадешь, утонешь в снегу!»

Непокорно в глуши росла,
прошибала обухом плеть.
Это нынче пою буслам –
я тогда не любила петь.

Это нынче – рука в руке –
укрываюсь твоим теплом,
а тогда – одна по реке
за изгиб судьбы, за излом,

за колючий холод весны,
босиком по талой воде,
забывая вещие сны –
я ушла из прошлого, где

оставляет шатун-медведь
след, автографом на снегу.
Мне никто не скажет и впредь:
«Не ходи далеко в тайгу...» [6, с. 25]

Хакасия. Как писал Владислав Торосов: «Это Богом дарованная земля (пл. около 62 тыс. кв. км.). Геологически хорошо изучена только пятая часть территории республики. К настоящему времени здесь обнаружено 456 месторождений цветных, редких, благородных и черных металлов, драгоценных камней, в том числе 290 золотых россыпей, десятки мраморных и гранитных массивов. И не случайно с древнейших времен о Хакасии по миру идет молва: «Здесь ходят по золоту, а дороги выстилают мрамором» [10, с. 17].

Тридцать лет я жила в Хакасии, десять лет из них в таежном поселке Туим. «Дату основания Туима сложно определить до точности, а вот история металлообработки в туимской подтаежной зоне уходит в глубину тысячелетий, о чем свидетельствуют археологические находки древних плавильных печей. В Тагарскую эпоху, а это VIII – III века до новой эры, территория Туима и Уленя, Ефремкина и Саралы стала крупнейшим центром добычи и обработки металлов во всей Южной Азии. Стоит сказать, что изделия местных мастеров, а они освоили производство сплавов, отливку и плющение металлов, стали прекрасными ювелирами, расходились на запад до Урала и на восток до Китая и Японии» [3]. «В первой четверти XIX века император Николай I принял указ, разрешавший разработку рудников и поиски золота частным лицам за Уралом, открыв тем самым сибирскую «золотую лихорадку». И уже по данным 1861 года продукция золотопромышленности на территории Красноярского края и Хакасии составляла 99 процентов к сумме всего промышленного производства в Енисейской губернии» [4]. «Косвенные данные говорят о геологической разведке медных месторождений уже в конце девятнадцатого века, в 1886 – 1896 годы, когда поисками месторождений по бортам речки Туим мог заниматься обрусевший инженер Михаил (Микаэль) Деларю.

Зато 1901 год определяется документально. Именно в этот период профессор Томского государственного университета А. М. Зайцев проводил геологические съемки Туимо-Карышской группы месторождений тяжелых металлов и отмечал существование хакасского улуса Той-ым («пир на реке» в переводе с хакасского языка). До конца 19 века крохотный хакасский улус Туим составлял лишь 10–12 юрт, население которого занималось традиционным скотоводством. В это же время (1901–1904 гг.) Деларю и маркшейдер А. Ф. Марков открыли месторождение меди Киялых-узьень (Скальный лог).

И все же временем интенсивного развития производства и строительства поселка стал двадцатый век. Наверное, необходимо привести еще несколько дат и цифр. В 1917 году ученый Д. Г. Мешарев определил запасы Киялых-узьеньского месторождения – 34,5 миллиона пудов. Годы гражданской войны и последую-

щей разрухи существенно отложили добычу металлов. Однако в 1933 году под руководством известного в своей области ученого Л. Д. Староверова была образована геологоразведочная партия, которая на следующий год открыла по правому борту Туимки месторождение вольфрама» [3].

«Детальные разработки ГРП 1934 года дали начало комбинату **«Туимвольфрама»** Главного управления «Енисейстрой» НКВД СССР. («Енисейстрой» - это не лагерь (ИТЛ), а целый главк (Главное Управление) ГУЛага, подобно, например, Дальстрою.

ГУ «Енисейстрой» существовало с 1949 по 1953 г.г. Главк находился в Красноярске, его начальником был генерал-майор Панюков. В состав главка формально входили 10 лагерей (ИТЛ). Однако они формировались в разное время, а фактически действовали лишь некоторые из них: Таёжный (в Канском районе), **Туимский (в Хакасии)** и Красноярский (известный также как «Краслаг Енисейстроя»), в 1951 году объединённые в лагерь «ДС», и 2-3 более мелких. **Таёжлаг и Туимлаг** были привязаны к рудникам. В Красноярске заключённые лагерей Енисейстроя возводили завод «Сибсталь» и, видимо, урановый завод.

В состав Енисейстроя входила также «шарашка» (спецтюрьма) ОТБ-1, находившаяся в Красноярске и выполнявшая проектные работы для объектов Енисейстроя. В ОТБ-1 сидели геологи и металлурги. Среди них были академики, много докторов наук. Место, где находилась эта «шарашка», вы прекрасно знаете. На этом месте сейчас находится, как ни парадоксально, юрфак КрасГУ – это на улице Маерчака, 6. А соседствующий с ним институт «СибцветметНИИ-проект» как раз и образовался из той самой шарашки») [1].

«Туимлаг», фото

Масса лагерей возникла здесь ещё до Великой Отечественной войны. Была построена обогатительная фабрика мощностью 50 тонн переработки руды в сутки. Здесь занимались добычей меди, золота, железа и других металлов. Вольфрам и молибден Туима были необходимым подспорьем для оборонной промышленности страны, особенно в годы Великой Отечественной войны. Минерал шеелит-вольфрам применяли как добавку к легированной стали, из которой изготавливали непробиваемую броню для танка «Т-34».

Трагические события тех лет нельзя обойти – это тоже наше прошлое. Без них история Хакасии XX века выглядит не только выхолощенной, но и во многом искаженной. Попыткой исторического исследования репрессий в годы советской власти явилось автобиографическое и публицистическое произведение А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В этой книге есть упоминание и о «Туимлаге»: «Всё это было частью еще более великого замысла Укрепления Тыла (из названия видно, что Сталин готовился к близкой войне). Созданы были ОСОБЫЕ ЛАГЕРЯ с особым уставом, малость помягче ранней каторги, но жестче обычных лагерей...

По ИТЛовским лагерям поползли мрачные слухи, что Пятьдесят Восьмую будут посылать в Особые лагеря уничтожения (ни исполнителям, ни жертвам не вступало, конечно, в голову, что для этого может понадобиться какой-нибудь там особый новый приговор).

Но называли Пятьдесят Восьмую не всю. Лишь потом, сообразуя по знакомым, арестанты поняли, кого оставляли с бытовиками на островах ИТЛ – оставили чистую 58–10, то есть простую антисоветскую агитацию, значит – одиночную, ни к кому не обращенную, ни с кем не связанную, самозабвенную. И хотя почти невозможно было представить себе таких агитаторов, но миллионы их были зарегистрированы и оставлены на старых ГУЛаговских островах. Если же агитаторы были вдвоем или втроем, если они имели хоть какую-нибудь склонность к выслушиванию друг друга, к переключке или к хору, они имели довесок 58–11 «группового пункта» и как дрожжи антисоветских организаций ехали теперь в Особые лагеря. Само собой, ехали туда изменники Родины (58–1–а –б), буржуазные националисты и сепаратисты (58–2), агенты мировой буржуазии (58–4), шпионы (58–6), диверсанты (58–7), террористы (58–8), вредители (58–9) и экономические саботажники (58–14). Сюда же удобно помещались те военнопленные немцы (Минлаг) и японцы (Озерлаг), которых намеревались держать и после 1948 года.

Зато в лагерях ИТЛ оставались недоносители (58–12) и пособники врага (58–3). Наоборот, каторжане, посаженные именно за пособничество врагу, ехали теперь в Особые лагеря вместе со всеми.

Разделение было еще глубочайшее, чем мы его описали. По каким-то непонятным признакам оставались в ИТЛ то двадцатипятилетницы-изменницы (Унжлаг), то кое-где цельные лагпункты из одной Пятьдесят Восьмой, включая власовцев и полицаев – не Особлаги, без номеров, но с жестоким режимом (например, Красная Глинка на волжской Самарской луке; **лагерь Туим в Ширинском районе Хакасии**; южно-сахалинский). Лагеря эти оказались суровы, и не легче было в них жить, чем в Особлагах» [10, с. 36–37].

«К месторождению вновь вернулись в конце 40-х. Образованный государством комбинат «Туимвольфрам» Главного управления «Енисейстрой» НКВД

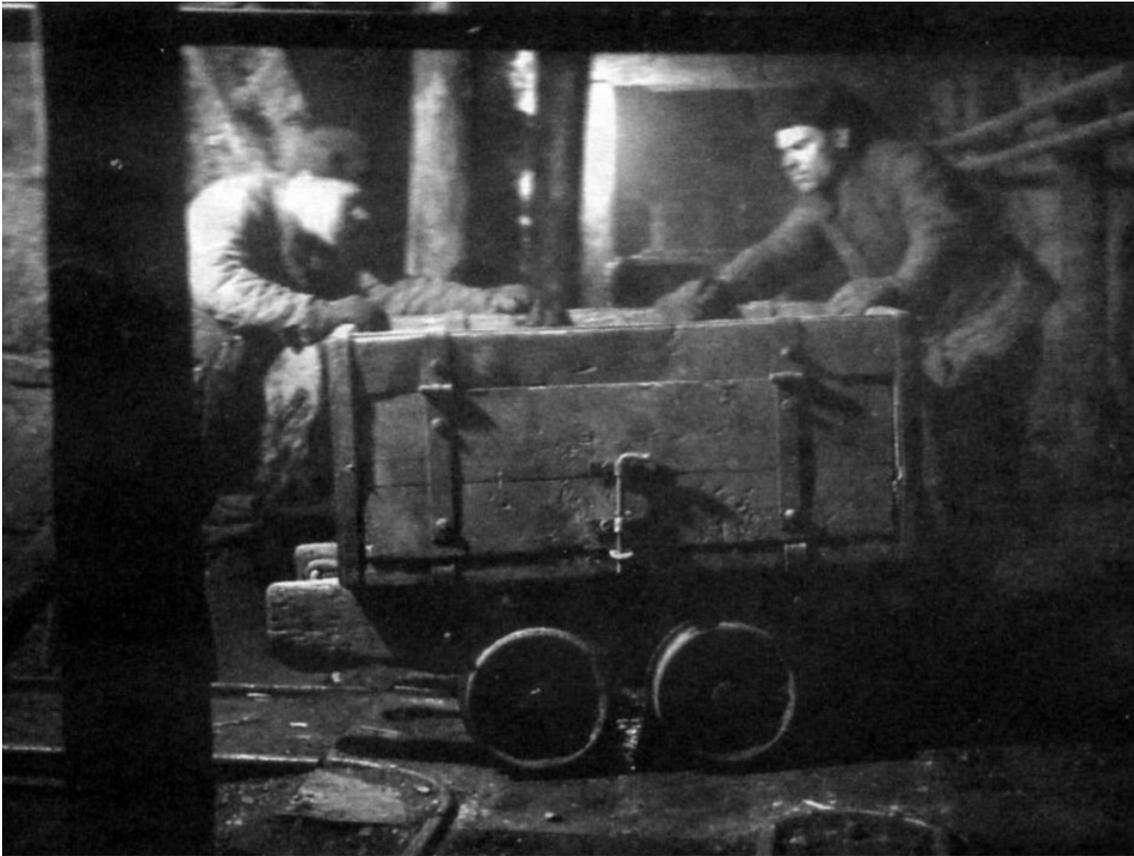
СССР использовал для выработки и обогащения руды труд политзаключённых. Он и вдохнул новую жизнь в старый рудник. К концу сталинских чисток в созданном концлагере было сосредоточено достаточное количество специалистов по рудному промыслу и просто живой силы. Многие из узников «Туимлага» не дожили до старости благодаря такой «заботе» государства, превратившего народ в тягловый скот. Рабов здесь не считали, руда с помощью тачек вывозилась на обогатительную фабрику, а постоянный маховик репрессий обеспечивал новые партии смертников.

«Туимлаг» Фото

В начале 50-ых годов прошлого века было образовано Туимское горнопромышленное управление, в которое были включены ГРП, рудник «Юлия», комбинат «Киялых-Узень» и «Туимвольфрам», что послужило новым мощным стимулом в росте добычи и переработки меди и молибдена». Силами заключенных Ачинского лагерного отделения осуществлялось строительство кирпичного завода в Ачинске. По окончании строительства 25 апреля 1953 года завода был переведен вольнонаемный состав, контингент заключенных вывезли в Сорское «лагерное отделение, за исключением осужденных по статье 58, данная категория была этапирована в Туимское лагерное отделение. Незадолго до этого, 11 апреля 1953 года, Туимское лагерное отделение стало лагерным подразделением усиленного режима для содержания заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления» [4].

«К окончанию сталинской эпохи Туим оставался закрытой зоной: 25000 политических зеков работали на молибденовом руднике, строили посёлок, ТЭЦ, обогатительную фабрику и железную дорогу к ней. Работы велись преимущественно ручным способом – киркой и лопатой.

«Работа в шахте Киялых-Узень. Туим» Фото

В узких штольнях руду рубили практически на коленях, которую грузили в вагонетки, перемещавшиеся вручную по рельсам на поверхность и далее на обогатительную фабрику. Можно только представить какую негативную энергетику впитала гора, состоящая из боли и страданий в большей степени невиновных людей, которых заставили умирать за процветание страны» [4].

О, если б вы знали, что книгу Сибири –
Её переплёт –
Из камня рубили,
Из кедра рубили
Наотмашь, вразлёт!..

И страсти кипели, и щепки летели,
И «время – вперёд»
За край, за метели,
В звенящие ели –
Меня свой ход.

Когда б вы ходили по рекам таёжным,
По тропам во тьмах,
Где в сёлах острожных
Испытывать сложно
Вселенский размах,

Когда б вы касались холодных, отвесных,
Причудливых скал –
Вам стало б известно
Из истин всеместных,
Что он здесь искал [6, с. 37].

«Прошла сталинская эпоха, веяло разными тёплыми и холодными ветрами, а многие бывшие зэки так и не уехали из прилагерного мира, из своих медвежьих мест, и правильно сделали. Там они хоть полулюди, здесь не были бы и ими. Они останутся там до смерти, приживутся и дети, как коренные» [11, с. 522].

Масштабы выработки руды не были остановлены и в пост сталинское время, разве что рабочие тогда стали вольнонаёмными. Увы, интенсивные, «стахановские» методы добычи быстро обернулись крахом для Туима: что его породило, то и убило.

К 1968 году основные запасы руды были выбраны. Образовавшиеся внутри горы огромные пустоты поставили под угрозу все работы. «Кровля» могла дать усадку в любой момент. Однако работы по вывозу руды продолжались ещё несколько лет и лишь в 1974 году шахта Киялых-Узень была окончательно закрыта».

Грандиозным провалом завершился особо важный сталинский проект по освоению сибирских месторождений. Вот так, хоть и с большим опозданием сбылась мечта туимских зеков. Сотни раз проклятый рудник наконец провалился. Правда назвать точную дату провала никто не берется.

Уже в 50-х годах у жителей Туима начали пропадать коровы и мелкий скот. Во время их поисков на вершине горы был обнаружен пролом диаметром шесть метров, в который и проваливалась заплутавшая скотина. В 1961 году в эту трещину заложили взрывчатку, совершенно не учтя, что под горой находится огромная пустота. После серии взрывов диаметр воронки увеличился до 70 метров.

Но и после этого шахта не была закрыта. По подсчётам специалистов около 60 % залежей металлов ещё оставалось внутри горы. Горняки направленными взрывами и отбойными молотками уходили всё ниже и ниже. Однако работы осложняли грунтовые воды, старавшиеся заполнить всё свободное пространство.

И если бы не постоянно работающие насосы штольни, штреки быстро бы заполнились водой. Будучи не способным противостоять стихии, руководство шахты, по согласованию с центром, приняло решение закрыть её.

Со временем природа завершила консервацию объекта. В 1991 году в результате небольшого землетрясения произошёл обвал и воронка приобрела нынешние размеры. Сейчас они впечатляют до невозможности. Диаметр дыры более 200 метров, глубина до поверхности воды 120 метров и ещё метров 200 под воду.

Все нижние штольни и штреки достаточно быстро заполнились водой, образовав бирюзового цвета озеро. Правда, дна озера до сих пор не видел никто. Для широкой публики Туимский провал открыл Юрий Сенкевич в 1995 году.

А после сюжета в «Клубе путешественников» Туим стал местом паломничества спелеологов и дайверов – озеро на дне кратера притягивает любителей экстремальных погружений, а позже место стало фоном для съёмок эпизода телеигры «Фактор Страх».

«Туимский провал»

Ночь распускает покрывало
Великой Тьмы,
Вплетая в кружево тесьмы,
За незнакомым перевалом,
Щемящий страх,
Зажатый Вечностью в горах.
Там эхо заблудилось в скалах,
Роняя звук
В исток непознанных наук.
Сознание не принимало
Реалий сна –
Мешала неба крутизна.
То горбилась, то грудь вздымала
Земная твердь.
Дел и событий круговерть:
Большое – исчезает в малом.
Таков закон.
Переходящим Рубикон –
Гора отвечает провалом,
Меняя вдруг
Ход времени. Событий круг
Проявит заданность на талом
Цветном снегу.
Вдаль по спирали не бегу
За грань пульсации на алом
Восходе дня.
Вы не отыщите меня,
Ушедшую к земным развалам
За стык веков,
Без слов – пожизненных оков.
Змеиное прельщает жало.
Прозрачен яд...
А сердце бьется наугад,
Безудержно и как попало [6, с. 46].

Информацию про Туим собирала лет пятнадцать буквально по крупичкам. Что-то рассказывал папа. Сама помню одно из мест, где жили заключенные. Называлось оно «шестибараки» – очень не любила туда ходить. Разыскала своего одноклассника, талантливого журналиста и краеведа Василия Иванченко, просила помочь с информацией по «Туимлагу». Он занимался в своё время этой темой, но документальных материалов не так много найдено. Наверное, до сих пор находятся под грифом сверхсекретности. Сохранились устные рассказы старожилов и редкие фотографии. Очень редкие, так как фотографироваться в лагере можно было только на документы. Зато Василий предоставил мне свою статью «В рудных горах Алатау» про историю Туима.

Поэтому, чтобы представить лагерную жизнь, очень ценными оказались воспоминания Солженицына. «Эти лагеря и не могли начаться иначе. И угнетённые, и угнетатели пришли из ИТЛ'овских лагерей, и десятилетия рабской и господской традиции стояли за теми и за другими. Образ жизни и образ мыслей переносился вместе с живыми людьми, они притепляли и поддерживали его друг в друге, потому что ехали по несколько сот человек с одного лаготделения. На новое место они привозили с собой всеобщую внушённую уверенность, что в лагерном мире человек человеку – крыса и людоед, и не бывает иначе. Они привозили в себе интерес к одной лишь своей судьбе и полное равнодушие к судьбе общей. Они ехали, готовые к беспощадной борьбе за захват бригадирства, за теплые придурочьи места на кухне, в хлеборезке, в каптёрках, в бухгалтерии и при КВЧ.

Но когда на новое место едет одиночка, он в своих расчётах устроиться там может полагаться только на случайную удачу и на свою бессовестность...

В лагере – не как на воле. На воле каждый неосторожно старается подчеркнуть и выразить себя внешне. Легче видно, кто на что претендует. В заключении, наоборот, все обезличены – одинаковой стрижкой, одинаковой небритостью, одинаковыми шапками, одинаковыми бушлатами. Духовное выражение искажено ветрами, загаром, грязью, тяжёлой работой. Чтоб сквозь обезличенную приниженную наружность различить свет души – надо приобрести навык.

Но огоньки духа невольно бредут, пробиваются один к другому. Происходит безотчётное соознакомление и собиранье подобных.

Быстрее и лучше всего узнать человека, если узнаешь хоть осколочек его биографии» [11, с. 71–72].

И все же самой интересной для меня оказалась в «Архипелаге...» пятая глава 3-го тома «Поэзия под плитой, правда под камнем». Глава о литературном творчестве в условиях лагерной неволи. Волновали вопросы, где можно было брать силы не только для того, чтобы выжить, но ещё и писать стихи? Где и в чем искать вдохновение? Солженицын на них отвечал: Как выжить в условиях, в которых выжить невозможно, и не потерять человеческий облик? Как найти надежду там, где надежды нет? Еда стала для заключенных самой желанной наградой за каторжный труд, предметом обмена, воровства, шантажа...

«Теперь как бы уже не изменялась вверх и вниз моя жизнь, я верен взглядам и привычкам, выработанным там.

А очищенная от мути голова мне нужна была потому, что я уже два года как писал поэму. Очень она вознаграждала меня, помогая не замечать, что делали с моим телом. Иногда в понуренной колонне, под окрики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху – скорей туда, на *объект*, где-нибудь в уголке записать. В такие минуты я был и свободен, и счастлив» [9, с. 105].

«Память – это единственная *зачатка*, где можно держать написанное, где можно пронести его сквозь обыски и этапы. Поначалу я мало верил в возможности памяти и потому решил писать стихами. Это было, конечно, насилие над жанром. Позже я обнаружил, что и проза неплохо утолакивается в тайные глубины того, что мы носим в голове. Освобожденная от тяжести суетливых ненужных знаний, память арестанта поражает емкостью и может все расширяться. Мы мало верим в нашу память!

Я понимал, что не единственный я такой, что я прикасаюсь к большой Тайне, эта тайна в таких же одиноких грудных клетках скрыто зреет на разбросанных островах Архипелага, чтобы в какие-то будущие годы, может быть уже после нашей смерти, обнаружиться и слиться в будущую русскую литературу.

В 1956 году в Самиздате, уже тогда существовавшем, я прочел первый сборничек стихов Варлама Шаламова и задрожал, как от встречи с братом:

«Я знаю сам, что это – не игра,
Что это – смерть. Но даже жизни ради,
Как Архимед, не выроню пера,
Не скомкаю развёрнутой тетради»

Он тоже писал в лагере! – ото всех таясь, с тем же одиноким безответным кликом в темноту:

«Ведь только длинный ряд могил
Моё воспоминанье,
Куда и я бы лёг нагим,
Когда б не обещаье

Допеть, доплакать до конца
Во что бы то ни стало,
Как будто в жизни мертвеца
Бывало и начало...».

Сколько было нас тогда таких? Я думаю – гораздо больше, чем выплыло за эти перемежные годы. Не всем было дано дожить. Кто-то спрятал бутылку с бумагой в землю, но никому не назвал места. Кто-то отдал хранить, но в небрежные или, напротив, слишком осторожные руки. Кто-то и записать не успел»[9, с. 111–112].

Но не все исчезло бесследно. Недавно узнала, что, благодаря родным, близким и друзьям репрессированных поэтов, а также переводчикам стихов, в 2005 году в издательстве «Материк» выпущен уникальный сборник, антология «Поэзия узников ГУЛАГа», тиражом 2500 экземпляров. Это антология стихов сталинских политзаключенных, составленная поэтом и мемуаристом Семеном Самуиловичем Виленским (издание включает 990 страниц).

Я благодарна Солженицыну за встречу с Варламом Шаламовым на страницах «Архипелага...». Вспомнила его стихотворение «Поэту», посвященное Борису Пастернаку. Приведу отрывок:

Я мял в ладонях, полных страха,
Седые потные виски,
Моя соленая рубаха
Легко ломалась на куски.

Я ел, как зверь, рыча над пищей.
Казался чудом из чудес
Листок простой бумаги писчей,
С небес слетевший в темный лес.

Я пил, как зверь, лакая воду,
Мочил отросшие усы.
Я жил не месяцем, не годом,
Я жить решался на часы.

И каждый вечер, в удивленье,
Что до сих пор еще живой,
Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.

И я шептал их как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой.

Они единственною связью
С иною жизнью были там,
Где мир душил житейской грязью
И смерть ходила по пятам.

Литературная деятельность Варлама Шаламова начиналась в 1928 году. С тех пор она не прекращалась – даже в лагерях. Долгие годы, лишенный возможности записывать свои стихи, хранил их в памяти. «Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе или Мелвилл о море. Мои рассказы – это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе... Не только левее левых, но и подлиннее подлинных. Чтобы кровь была настоящей, безымянной», – отмечает Шаламов в записных книжках [2].

Творчество Варлама Шаламова мне дорого, близко и понятно, особенно потрясли его гениальные «Колымские рассказы».

Так вышло по судьбе, что там в Сибири в 18 лет я вышла замуж и еще 18 лет носила фамилию мужа – Шаламова, однофамильца писателя. В январе 1982 года Варлам Тихонович Шаламов умер. С января 1982 года впервые стали публиковать мои стихи на литературной странице газеты «Черногорский рабочий» в городе Черногорске. Вот одно из них:

НАЙТИ В СЕБЕ СЕБЯ ДРУГУЮ...

А мне бы вырваться – совсем,
Из обязательных, привычных,
Никем не утвержденных схем,
И стать явленьем необычным!

Перевернуть в себе – себя,
Найти в себе – себя другую.
И появившихся «себят» –
Переиначить, всем рискуя!

И добротой, и правотой
Пока не начатого боя,
Почти ненужной прямою,
Желаньем быть самой собою...

Поставить дерзостью реформ
С ног на голову всех знакомых!
Но, отступив от общих норм, –
Не перешагивать законы! [6, с. 101].

В послесловии к книге «Архипелаг ГУГЛАГ» Солженицын написал: «Эту книгу писать бы не мне одному, а раздать бы главы знающим людям и потом на редакционном совете, друг другу помогая, выправить всю.

Но время этому не пришло. И кому предлагал я взять отдельные главы – не взяли, а заменили рассказом, устным или письменным, в моё распоряжение. Варламу Шаламову предлагал я всю книгу вместе писать – отклонил и он» [10, с. 548].

А в 1962 году Варлам Шаламов писал Александру Солженицыну: «Помните, самое главное: лагерь – отрицательная школа с первого до последнего дня для кого угодно. Человеку – ни начальнику, ни арестанту не надо его видеть. Но уж если ты его видел – надо сказать правду, как бы она ни была страшна. <...> Со своей стороны я давно решил, что всю оставшуюся жизнь я посвящу именно этой правде» [17, с. 652].

Давно смогла определиться,
Лгать мне в стихах или не лгать.
Я не певец опавших листьев
На лужи призрачную гладь!
Я не певец застывшей бури,
Мой ветер – вспыхнувшая Страсть!
Взлетает к Солнцу – глаз не шурит,
Дотла горит, чтоб не упасть! [6, с. 80].

Да, я ходила «дорогами страданий», но я благодарна Богу, что в моей судьбе есть мой любимый Туим, родное место, где я дышала горным, гордым воздухом, настоящим на мечте о свободе, на желании быть счастливым, на желании и умении преодолевать препятствия.

Не научилась покоряться. Или
Совсем забыла заповедь: «Терпи».
То гнездышко, что грубо разорили,
Покинула в немилой мне степи.
В горах свила другое. На вершинах
Хранила заповедные мечты.
Птенцов своих: и доченьку и сына –
Учила не бояться высоты.
И если даже ранен, если крылья
Побиты, и один ты против всех –
В запасе есть последние усилья,
Чтобы взлететь, чтобы подняться вверх!
Там задержаться, доверяя скалам,
Сорвать с души отчаянья налет.
И вдруг понять, что задержаться – мало.
Расправить крылья – и опять на взлет! [6, с. 46].

Я благодарна Богу за Его уроки для меня, за Его защиту, за возможность учиться мудрости и через поэтическое слово тоже.

И меня не минула чаша сия.
Хлеба горького досыть вкусила.
Господи, на всё есть воля Твоя! –
Испытанья даёшь по силам... [авторское]

Есть много правил.
Важные – просты:
«На всякий случай будь поосторожней».
А мимо жизнь телегою порожней
неслась с горы в терновые кусты...
– И в небо?
– Нет. Туда, даст Бог, попозже.
Ещё не подошли в кувшине дрожжи,
не высохли белёные холсты...
– А раны успокоит подорожник?
Пес побежит встречать за три версты?
А если сны и помыслы чисты...
– И страха нет?
– Он сам себе острожник,
винитель и заложник темноты,
а мне не до безсветной суеты...
– На всякий случай – будь поосторожней! [7, с. 24].

В глухой пещере вход закрыть камнями,
Разжечь костер, забыться до весны.
И ночи перекладывая днями,
Ждать зова обитателей лесных.

Не потому, что от людей устала –
Я просто больше видеть не хочу,
Как тянется отравленное жало
Ко мне, когда по воздуху лечу.

Конечно, я должна подняться выше,
Но помыслы – до времени – в тайник.
Сама гора отныне будет крышей,
Чтоб глаз дурной мне в сердце не проник.

Найду глубинный камень, вечность длящий,
Пещерно нацарапаю внутри:
«Оставь меня в покое, всяк входящий!
Сядь у костра и на огонь смотри» [7, с. 79].

Я счастлива, что есть у меня моя удивительная Хакасия и самая таинственная, самая волшебная в мире страна – Сибирь.

Не царица своей судьбы,
Не слуга – мы обе строптивы.
Но, уставшую от борьбы,
Бережат мою душу – ивы.
Непокорным покоем дразня,
До земли распустили косы
И поют, что вскормил меня
Край скуластых предков раскосых.
Заповедный край... А тайга –
Мои слезы – смолою в сосны.
Да закутывала в снега
Неуютные ранние вёсны.
Но по жилам степных дорог,
Но по венам зыбей таежных
Я судьбе раздавала в срок –
Не все пошлины для таможни!
Что теперь янтарем смолы
Вызолачивать свою душу?
Мне от Родины – песнь ветлы,
Да границы... Но я их рушу!

И не мне любовь в кандалы,
И не с ней скандалы – любую
Меркой меряя – все малы!
Я в долгу перед этой любовью.
Зря скупые ее мольбы
Заглушала сердцем ретивым.
Не царица своей судьбы,
Не слуга – мы обе строптивы! [6, с. 71].

ЧУНА

*(Чуна – река на севере Красноярского края. Сливаясь
с Бирюсой впадает в Ангару. Территория КРАСЛАГ).*

Укрыта память от людей
В глухих местах.
По убегающей воде
Кочует страх.

Река. Пороги да пески.
Закон - тайга.
Дожди то в спину, то в виски.
Зимой — снега.

Колючий холод и тоска,
Хоть волком вой...
Не поднимается рука,
Пока живой,

Срывать последнюю звезду
Кому-то в дар.
До времени, в себя уйду -
Держать удар.

Сидит тупая в сердце боль,
Как крот в норе.
Уйти ей, Господи, позволь
О сей поре...

Проткнул вершиной край небес
Седой Саян.
Тревогой дышит дальний лес.
Там воздух пьян.

Рвет ветер в клочья туч холсты,
По телу дрожь.
Чуна, какие тайны ты
В себе несешь?

Чья память берег сторожит
С той стороны,
Где на камнях вода дрожит
И не видны

Следы?.. Природа, человек -
В одной цепи.
Из века в век, из века в век...
Не расцепить.

Не выйти из воды сухим,
Сколь сил не трать.
Как ни хорошим, ни плохим,
А мудрым стать?

Не напасешься счастья впрок -
Слова гласят.
Всему приходит время. Срок
Всему и вся.

Закрыли небо облака.
Путь не прямой.
Чуна — спокойная река.
Хочу домой. [авторские стихи]

Я благодарна Александру Солженицыну за новую встречу с памятью людской... Да, горькой, да страшной! Нужно помнить, чтобы не повторилось...

...Я не скажу тебе ни слова –
Ты и не спросишь никогда!
В мой чужедальный край суровый
Ведут не только провода!
Не только рельсы, реки, броды,
Не только гор таежных глушь –
В мой край в любые непогоды
Иду по окликанью душ! [6, с. 90]

Список литературы:

1. Бабий, Н. А. Лекция (с использованием материалов, подготовленных В. С. Биргером) «Лагеря Красноярского края» / Н. А. Бабий. – архивный материал.
2. Есипов, В.В. Шаламовский сборник, из литературного наследия. (Из записных книжек. Предисл. и прим. И. Сиротинской. Тетрадь 1966 года, запись 2 ноября 1966 г.) / В.В. Есипов. – Вологда : Грифон, 1997 г.
3. Иванченко, В.Н. В рудных горах Алатау //
4. Иванченко, В.Н. У Скального лога и речки Туим // 24.08.2011г.
5. Красевская, Л.Н. С любовью о любви: стихотворения / Л. Красевская. – Брест : Издательство С. Лаврова, 2004 г.
6. Красевская, Л.Н. На два голоса: стихи и поэма / Л. Красевская. – Брест : Издательство «Альтернатива», 2009 г.

7. Ростовцев, С. Туимский провал. Загадка медной дыры // Сайт «Рубикон» www.rubikonriver.narod.ru.

8. Рублева, А.Е. История пенитенциарной системы Красноярского края» III. Довоенный и послевоенный период развития УИС (ГУФСИН). IV. Енисейстрой. (Материалы подготовлены начальником музея ГУФСИН России по Красноярскому краю майором внутренней службы Рублевой А.Е.) – архивный материал.

9. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ / А. Солженицын.

10. Торосов, В. М. Истинные сокровища Хакасии / В. М. Торосов // Сокровища культуры Хакасии. – М. : «Научно-информационный издательский центр», 2008г. – 512 с.

11. Шаламов, В. Переписка с А. И. Солженицыным. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / В. шаламов. – М., 2004.

Видеоматериал

1. «Чудеса Хакасии» Туимский провал. Автор проекта Виктория Калашникова. РТС – 2011 г. <https://www.youtube.com/watch?v=pvTZJgDx1fg>

2. «Чудеса Хакасии» Сундуки. Автор проекта Виктория Калашникова. РТС – 2011 г. <https://www.youtube.com/watch?v=fOfHaTr47i8>

3. «Места силы Хакасии» Хакасия земля Богов. Автор проекта Мерзликин Михаил. РТС – 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=UAlsVDNaR-Q>

4. Авторская рубрика Афанасия Мамедова Зеленая лампа / Круглый стол. Интервью с Давидом Маркишем. <https://www.labyrinth.ru/now/Solzhenitsyn/>

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Красноярское общество «Мемориал»

XX Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ «Человек в истории. Россия – XX век» 2018–2019 год

Лагеря ГУЛАГа в Красноярском крае (включая Хакасию)

Из справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР»

Составитель: М. Б. Смирнов

Авторы вступительных и справочных статей:

М. Джекобсон, А. И. Кокурин, С. В. Кривенко,

С. П. Сигачев, М. Б. Смирнов, С. Г. Филиппов, Д. В. Шкапов

Научные редакторы: Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский

Москва, «Звенья», 1998

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ «ЕНИСЕЙСТРОЙ» МВД

Главное управление МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае – Енисейстрой – было организовано 16 апреля 1949 г. приказом МВД № 00349. Базировался главк в Красноярске. Для руководства его деятельностью в составе

МВД СССР был организован Седьмой специальный отдел. 20 июля 1949 г. в составе Енисейстроя были созданы первые ИТ лагеря (пр. МВД № 00685) – ТАЕЖНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ, ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ, КРАСНОЯРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИТЛ. В апреле 1950 г. были организованы еще два лагеря: ТУИМСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ (пр. МВД № 00232 от 06.04.50) и ВОСТОЧНО-СВИНЦОВОЕ РУДОУПРАВЛЕНИЕ И ИТЛ (пр. МВД № 00243 от 12.04.50). 18 апреля 1951 г. приказом МВД № 00193 было создано КРАСНОЯРСКОЕ УПР. СПЕЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ИТЛ. 16 октября 1951 г. все эти лагеря, за исключением Восточно-свинцового, были включены в состав вновь организованного ИТЛ «ДС» Енисейстроя (пр. МВД № 00735). При этом все они, кроме Юго-Западного, получили статус лагерных отделений (Юго-западный ИТЛ был реорганизован в лагерное отделение приказом МВД № 01328 от 8 декабря 1952 г.). В 1952 г. изданы приказы, в соответствии с которыми организуются еще три лагеря Енисейстроя: ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО АКТОВРАКСКОГО КОМБИНАТА (пр. МВД № 0707 от 24.05.52), ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КРАСНОЯРСК–ЕНИСЕЙСК (пр. МВД № 01281 от 21.11.52), УЛЕНСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ (пр. МВД № 00924 от 24.11.52). Фактически же все они до момента закрытия (пр. МЮ № 0038 от 29.04.53) не успели пройти стадию организации. Таким образом, всего в Енисейстрое формально было организовано десять ИТЛ. Заключение лагерей Енисейстроя занимались разработкой месторождений редких и цветных металлов, железорудных месторождений, добычей асбеста, слюды, строительных материалов, поисковыми и геологоразведочными работами, строительством и эксплуатацией горнорудных и металлургических предприятий, изыскательскими и научно-исследовательскими работами, промышленным, гражданским и железнодорожным строительством, лесозаготовками и деревообработкой. Лагеря главка были сосредоточены в Красноярском крае. 18 марта 1953 г. Постановлением СМ СССР № 832–370сс Енисейстрой передан в ведение Министерства металлургической промышленности СССР, а его лагеря перешли в подчинение ГУЛАГа МЮ СССР (пр. МЮ № 0013 от 02.04.53). ИТЛ «ДС» (переименованный 14 мая 1953 г. приказом МЮ № 0050 в ТАЕЖНЫЙ ИТЛ), в состав которого влились лагерные подразделения расформированных лагерей Енисейстроя, продолжал обслуживать этот главк до своего закрытия 10 июля 1953 г. (пр. МЮ № 0114). Численность заключенных в лагерях Енисейстроя составляла: 01.01.50 — 10 993, 01.01.51 — 13 430, 01.01.52 — 22 353, 01.01.53 — 16 035. Начальником Енисейстроя все время его существования в составе МВД был генерал-майор А.А.Панюков. *С. Филипов, С. Сигачев*

ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ

Время существования: организован 16.10.51 [1]¹; закрыт 14.05.53 (переименован в ТАЕЖНЫЙ ИТЛ) [2]. Подчинен: Енисейстрой МВД с 16.10.51 [1], ГУЛАГ МЮ с 02.04.53 {33}. Дислокация: Красноярский кр., г. Красноярск {25}. Литер: ДС с 16.10.51 [1]. Телегр. код: «Салют» {25}². Адрес: г. Красноярск, п/я ДС-23 {25}³. Производство: разработка месторождений «Юлия», «Киялых-Узень», «Туим» и месторождений Карышской группы, перешедших от ТУИМСКОГО ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО УПР. И ИТЛ [3], стр-во опытного элек-

трометаллургического з-да в Красноярске, перешедшее от ИТЛ п/я 4 [4], проектно-изыскательские, опытные, научно-исследовательские работы, металлообработка в ОТБ-1 в г.Красноярске, работа на з-де «Сибтяжмаш», добыча слюды в р-не ст. Камола, стр-во и эксплуатация кирп. з-да в Ачинске, стр-во жилпоселка кирп. з-да, стр-во шахты 9 Красноярскшахтстроя в р-не Черногорска, разработка каменных карьеров, лесозаготовки, обслуживание Темирской геологоразведочной партии, геологоразведочные работы на Актывракском месторождении, стр-во перевалочной базы и авторем. мастерских Енисейстроя в Абакане [5. Разд. 3. Л. 7–31]. Численность: штатная – 20 000 [1]; 01.04.52 – 13 652⁴ [5. Разд. 3. Л. боб.–30об.]; 01.04.53 – 14 964 [6]. Начальники: нач. – г/м Панюков А.А., с 16.10.51 по 01.04.53 [1], [5. Л. 2об.]; и.о. нач. – полк. в/с Племянников В.В., с 01.04.53 –? [7]⁵; з/н – п/п Евдокимов И.И. (упом. 28.06.52) [5. Разд. 4. Л. 1]; п/п Племянников В.В. (упом. 09.09.52, 24.01.53) [5. Разд. 5. Л. 8, 18]. Архив: В УИТЛК УМВД по Красноярскому кр., в фонде ТАЕЖНОГО ИТЛ [1]. Доп. сведения: С 16.10.51 в подчинении УИТЛ «ДС» находилось ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ [1].

Примечания:

1 Этим пр. расформированы существовавшие до этого в системе Енисейстроя **ТУИМСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ** и ИТ лагеря при Красноярском стр-ве, Красноярском упр. спец. стр-ва и Таежном горнопром. упр.; ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ переподчинено непосредственно ИТЛ «ДС». При этом в состав ИТЛ «ДС» вошло 12 ЛО.

2. Согласно [5. Разд. 1. Л. 2об.], первоначально телегр. код был «Енисей».

3. Согласно [5. Разд. 1. Л. 2об.], первоначально адрес ИТЛ был п/я 122, затем 23, а лит. обозначения начали вводить в п/я не ранее осени 1952 г.

4. Из них 3343 женщины, 1082 осужденных за к/р преступления.

5. По всей вероятности, В.В.Племянников оставался и.о. нач. ИТЛ до его закрытия, поскольку он был и.о. нач. преемника ИТЛ «ДС» — ТАЕЖНОГО ИТЛ.

Источники:

1. Пр.00735 МВД от 16.10.51

2. Пр. 0050 МЮ от 14.05.53.

3. Пр. 00232 МВД от 06.04.50.

4. Пр. 00193 МВД от 18.04.51.

5. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 583.

6. Там же. Д. 172. Л. 232.

7. Пр. 025/л МЮ от 01.04.53.

См. также: ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО АКТОВРАКСКОГО КОМБИНАТА, ИТЛ И СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КРАСНОЯРСК – ЕНИСЕЙСК, КРАСНОЯРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ, КРАСНОЯРСКОЕ УПР. СПЕЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ИТЛ П/Я 138, ТАЕЖНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ, ТАЕЖНЫЙ ИТЛ, **ТУИМСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ**, УЛЕНСКОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ, ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ.
С. Филиппов, С. Сигачев.

ТАЕЖНЫЙ ИТЛ (Таежлаг)

Время существования: организован 14.05.53 (переименован из ИТЛ «ДС» Енисейстроя) {36}; закрыт 10.07.53 (лаг. подр. переданы в УИТЛК УМЮ по Красноярскому кр.) [1]. Подчинен: ГУЛАГ МЮ с 14.05.53 {36}. Дислокация: Красноярский кр., г.Красноярск {37}. Литер: ДС с 14.05.53 {36}. Телегр. код: «Салют» {37}. Адрес: г.Красноярск, п/я ДС-23 {37}. Производство: см. ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ [1]; погрузочно-разгрузочные работы на стр-ве Красноярского порта, дома отдыха в р-не с.Атаманово, работа в совхозе в с.Шушенское с 08.07.53 [2, 3]¹. Численность: ? Начальники: и.о. нач. — полк. в/с Племянников В.В., ? — 10.07.53 [1]². Архив: Включает архивы ИТЛ «ДС», ТАЕЖНОГО ИТЛ и, возможно, др. ИТ лагерей Енисейстроя. Хранился в УИТЛК УМВД по Красноярскому кр. («все материалы») {1}.

Примечания:

1. Поскольку эти объекты перешли от НОРИЛЬСКОГО ИТЛ за два дня до пр. о закрытии ТАЕЖНОГО ИТЛ, последний, по-видимому не успел приступить к работам на них.

2. В.В. Племянников, очевидно, был и.о. нач. ТАЕЖНОГО ИТЛ с момента переименования, так как он был и и.о. нач. ИТЛ-предшественника [4].

Источники:

1. Пр. 0114 МЮ от 10.07.53.
2. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 172. Л. 230.
3. Там же. Д. 569. Л. 72, 78, 84.
4. Пр. 025/л МЮ от 01.04.53.

См. также: ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ, НОРИЛЬСКИЙ ИТЛ. *С.Филиппов, С.Сигачев.*

ЮГО-ЗАПАДНОЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОЕ УПР. И ИТЛ ЕНИСЕЙСТРОЯ

Время существования: организован 20.07.49 [1]; закрыт 08.12.52 (реорг. в Сорское ЛО ИТЛ «ДС») [2]. Подчинен: Енисейстрой МВД с 20.07.49 [1]; УИТЛ «ДС» Енисейстроя с 16.10.51 [3]. Дислокация: Красноярский кр., Хакасская а.о., Усть-Абаканский р-н, с.Сора (ныне г.Сорск) [4. Л. 2]. Литер: ДВ с 20.07.49 [1]. Телегр. код: «Заря» [4. Л. 2]. Адрес: Хакасская а.о., Усть-Абаканский р-н, с.Сора, п/я 10 [4. Л. 2]. Производство: стр-во Сорского молибденового комб., Карашского медного и Туимского вольфрамового рудоуправлений, Киялых-Узеньского медного, Юлинского медно-свинцового, Калтаровского медно-молибденового рудников, обслуживание геологоразведочных и поисковых работ, лесозаготовки, с/х работы [1], стр-во ТЭЦ и обогатительной ф-ки на Сорском молибденовом комб. [5]. Численность: штатная на 1949 г.— 5000 [1], плановая на 07.51 — 7500 [6]; 25.04.52 — 4746¹ [7. Л. 4об., 6об.]. Начальники: нач. — кап. Жуков Н.П., с 20.07.49 по 26.05.50 [1, 8]; полк. Неизмайлов Ф.М., с 26.05.50 по 21.11.52 [8, 9]; п/п (полк. в/с) Бузько М.П. (упом. 02.12.52) [10].

Примечание:

1. Из них 425 осужденных за к/р преступления [7. Л. 4об., 6об.].

Источники:

1. Пр. 00685 МВД от 20.07.49.
2. Пр. 01328 МВД от 08.12.52.

3. Пр. 00735 МВД от 16.10.51.
4. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 264.
5. Пр. 00358 МВД от 17.03.52.
6. ГАРФ. Ф.9414. Оп. 1д. Д. 162. Л. 27, 28.
7. Там же. Оп. 1. Д. 583.
8. Пр. 573лс МВД от 26.05.50
9. Пр. 1409лс МВД от 21.11.52.
10. Пр. 1442лс МВД от 02.12.52.

См. также: ИТЛ «ДС» ЕНИСЕЙСТРОЯ. С. Филиппов, С. Сигачев.

Леўчук З. С.
(Брэст, Беларусь)

УДК 821.161.1.09

“РАКОВЫЙ КОРПУС” А. САЛЖАНИЦЫНА Ў ІНТЭРПРЭТАЦЫІ ЭВЫ ТОМПСАН

Ключавыя словы: постнекласічная культура, інтэрпрэтацыя, даследаванне, маральныя праблемы.

Анатацыя: У артыкуле раскрываецца падыход амерыканскай даследчыцы да твора А. Салжаніцына “Ракавы корпус”. Інтэрпрэтацыя твора падаецца з пазіцыі “посткаланіяльнай тэорыі”, якую прапанавала аўтарка.

Сучаснае грамадства знаходзіцца ва ўмовах постнекласічнай культуры, якая вызначаецца шматграннасцю праяўлення: плюралізмам падыходаў, стыляў, ідэй, канцэпцый. Постнекласічная культура характарызуецца глабальнасцю, адкрытасцю, інтэнсіўнасцю развіцця. Яе дамінантай з’яўляецца творча-інавацыйная экспертная дзейнасць. У аспекце такога развіцця культуры існуюць розныя падыходы да інтэрпрэтацыі літаратурных твораў, як складнікаў культурнай спадчыны.

Адметнасцю постнекласічнай культуры з’яўляецца і тое, што успрыманне, альбо аналіз аднаго і таго ж твора можа адрознівацца ў залежнасці ад пэўных палітычных і сацыяльных пазіцый даследчыкаў. Прыкладам такога адрознення служыць падыход да аналізу рамана А.Салжаніцына “Ракавы корпус” амерыканскай даследчыцай Эвай Томпсан у кнізе “Песняры імперыі”. Сама аўтарка называе сваю працу акадэмічнай манаграфіяй, якая была надрукавана ў 2000 годзе ў выдавецтве “Greenwood Press” у ЗША. Затым праца перакладзена Т.Л. Нядбаевай з ангельскай на беларускую мову і надрукавана ў СТАА “Медысонт” (Мінск) у 2009 годзе. Рэцэнзентамі названай кніжкі выступілі С.В. Кавалёў, доктар філалагічных навук і Г.М. Кісліцыны, кандыдат філалагічных навук.

У прадмове да манаграфіі Валянцін Акудовіч даводзіць: “Кніга амерыканскай даследчыцы Эвы Томпсан ... сістэмна і грунтоўна раскрывае, што вялікая расійская літаратура была (і застаецца) каланіяльнай на сваёй сутнасці”. Сама Э. Томпсан сцвярджае, што “гэта першае даследаванне расійскага дыскурсу, якое не залежыць ад расійскіх самаінтэрпрэтацыяў”.